

Н. Б. Граматчикова
«РУССКИЙ ОРЕЛ» vs «ПЛУТОН-ШАЙТАН»:
ИДЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ
В «ОРЕНБУРГСКИХ ГУБЕРНСКИХ ВЕДОМОСТЯХ» В 1850-х гг.*

УДК 82(470.5)

ББК 83.3(235.55)52

В середине XIX в. на страницах провинциальной прессы происходит становление языка этнографического описания, вызревающего внутри разнородных стилистических пластов. Тема мультикультурного населения Южного Урала становится неременной составляющей «Оренбургских губернских ведомостей» и затрагивается в редакционных статьях, в репортажах «с мест», в отчетах инспекторов и миссионеров, в путевых зарисовках и др. Целью статьи является анализ идеологической палитры формирующегося этнографического дискурса на материале корреспонденций малоизвестных и ныне забытых краеведов, историков, педагогов и литераторов Оренбургского края (П. Павловского, В. Лосиевского, В. Юматова, В. Зефинова, И. Сосфенова, К. Ивлентьева и др.), а также заметок анонимных авторов. Выявляется три стилистических пласта текстов, что соответствует трехуровневой матрице мифологических существ. Делается вывод о максимальной устойчивости в газетных текстах образов высшего (Святая Русь, Русский орел) и низшего слоя (духи подземного мира и воды), имеющих разную этиологию. Образы «высшего пантеона» могут быть рассмотрены как в контексте противоборства синхронной и линейной моделей становления национального мифа, так и в контексте «запаздывания» эстетического развития провинциальной литературы. Образы «низшей демонологии» тесно связаны с природными объектами, имеющими собственный нарратив в устной истории коренных народов Урала. На уровне «срединного мира» авторские позиции изменчивы, эмоционально-идеологическая оценка этнографических данных в значительной мере определяется прагматическими задачами текста, что может быть оценено как мощный ресурс развития этнографического дискурса.

Ключевые слова: *Святая Русь, Русский орел, колониальный дискурс, этнография, южно-уральская пресса, пещера, башкиры, маришцы, святой источник*

В 1845 г. редактором неофициальной части «Оренбургских губернских ведомостей»¹ (далее ОГВ) становится И. П. Сосфенов, под чьим руководством за несколько лет газета превращается в достаточно влиятельное издание, координирующее общественно-культурную жизнь региона и демонстрирующее широкий диапазон подходов к проблемам мультикуль-

турализма и мультиконфессиональности, актуальным для Южного Урала. Краткий обзор идеологической палитры репрезентации этнографических реалий на страницах этой газеты и является целью данной статьи. При ближайшем рассмотрении оказывается, что этнографические тексты не образуют единства и не могут быть сведены в «сверхтекст», а, напротив, резко дифференцированы по стилистическим слоям, «не желающим» смешиваться друг с другом, но легко укладывающимся в трехчленную мифологическую матрицу.

1. «Высший мир» символов и мифологических персонажей формируется текстами-носителями имперского дискурса, поддерживающими официальную колониальную политику, при этом действие разворачивается в символическом пространстве, где царят Святая Русь и Русский орел.² Тексты гимнически ориентированы: отдельные фрагменты в них написаны с использованием ритмизованной прозы.

¹ О самой газете и развитии оренбургской периодики см.: Прокофьева В. Ю. Из истории оренбургской периодики // Оренбургский край. Архивные документы. Материалы. Исследования: сб. работ науч.-исслед. краевед. лаборатории ОГПУ. Вып. 1. Оренбург, 2001. С. 52–75. Прокофьева А. Г. Русские писатели и оренбургская периодика конца XIX — начала XX в. // Там же. С. 76–97.

Граматчикова Наталья Борисовна — к.филол.н., н.с., сектор истории литературы, Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
 E-mail: n.gramatchikova@gmail.com

* Статья подготовлена в рамках программы УрО РАН «Формирование национальных художественных систем пермских литератур в социокультурном ландшафте России конца XIX — первой половины XX в.»

² Таковы названия статей ОГВ, опубликованных без указания автора, что, вероятно, означает авторство редакции.

Своеобразие хронотопа «Святая Русь» заключается в вечно длящемся на ее просторах настоящем,³ в котором многочисленные обитатели вязнут, как «мухи в янтаре», теряя живость, но обретая декоративность. Так, в одной из статей читаем: «Велика и могуча ты, Святая Русь; широко и далеко расположилась ты, наша Матушка. Став твердою стопой на вершины Рифея, одним крылом своим охватила ты Европу до берегов Дуная с Мемелем; а другим коснулась и до Америки. На севере имеешь ты льды по морям, и бродят там по пустынным тундрам с стадами оленей своих Чукчи и Юкагиры с Самоедами, а Архангельские рыбаки с белыми медведями достают себе добычу между льдов. У тебя на Юге — Киргиз-Кайсацкия степи, Каспий с Черным и Азовским [морями]. Арарат и великан Алтай с Кавказом. Там Шамаханец свой шелк прядет, а Киргиз-Кайсачка армячину точет; в Кяхте распивают кирпичный чай, а на Дону разливают шипучее, там Шаман беснуется, а здесь Тунгуз за чужью гонится».⁴ Огромные размеры, «многочадие» и разнообразие подопечных — характерные признаки миксантропической крылатой Святой Руси.⁵ Визуальный ряд прославляющей песни представляет собой своеобразную карту промыслов народов Российской империи. При этом дети Руси (народы) составляют единое сообщество с животным миром: «Архангельские рыбаки с белыми медведями (курсив в цитатах наш. — Н. Г.) достают себе добычу между льдов...», «бродят там по пустынным тундрам с стадами оленей своих Чукчи и Юкагиры с Самоедами».⁶ Природное изобилие заставляет воспринимать Россию как своеобразное чудо света, сама причастность к которому — воплощенное счастье и мечта.⁷ Величина России подается как уникальное качество, а ее территория — как главная единица измерения: сам Китай

меньше России на две пятых, в России могло бы поместиться 3 Бразилии, 6 «Туречин», 23 Франции, 73 Пруссии, не говоря уже о Сан-Марино и Книпгаузене, территория которых соответственно в 399 000 и в 500 000 раз меньше территории России. Величина территориальная прямо конвертируется автором статьи в царственное величие России: «Есть над чем Царю Белому поцарствовать, есть об чем позаботиться».⁸ Уникально высокий статус Святой Руси отмечен, в соответствии с логикой мифа, ее солярностью: «Солнце на Святой Руси не закатается, тут за горами, так там из-за гор!».⁹ Зенит достигнут и в сакральном плане: «Святая Русь богаче всех угодицами Божиими; оттого-то она и слывет Святой Русью».¹⁰ Впрочем Империя опирается и на вполне земную мощь, предваряющую, надо заметить, упование на помощь святых: «Держава, так Держава! Есть над чем поцарствовать, есть чем отразить и неприятеля: миллион готов — карать врагов».¹¹

Патриотически-милитаристской символикой в большей мере наполнен другой гендерный образ России — Русский орел («...из всех пернатых птиц орел есть птица самая могучая; и не она ль потому называется Царем-птицею?»),¹² также наделенный семантикой уникальности: «...из всех пород орлов Русский Орел есть птица дивная, есть создание Творца ненаглядное!»¹³ В отличие от статичной Святой Руси, получившей свою святость по благодати, образ орла движется в историческом времени: «Когда и откуда прилетел он на Святую Русь; в чье царствование он свил в ней гнездо свое? <...> Прилетел он из-за моря Черного, где была Империя Греции и откуда к людям русским

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Об одической традиции в провинциальной литературе второй половины XVIII в., обусловленной как прагматическими, так и эстетическими творческими интенциями, писала Е. К. Созина на примере творчества И. И. Варакина. Высказанные ею соображения относительно своеобразия «замедленной» рецепции ведущих тенденций в провинциальной прозе, их эклектичности, эстетической «чрезмерности» верноподданнического пафоса частью вполне применимы к приведенным редакторским «передовицам». См.: Созина Е. К. И. И. Варакин // История литературы Урала. Конец XIV–XVIII в. М., 2012. С. 497–511.

¹¹ Велика Святая Русь. С. 454.

¹² Русский орел // ОГВ. 1846. № 49. С. 587.

¹³ Там же. Сила Русского орла вполне материальна: «Очи его сверло зоркия и дальвидные, грудь его тверже великанов-страусов, к том уж она и украшена непроницаемою броней — изображением Великомученика и Победоносца Георгия, поражающего копием змия; когти его острее кохтей всего летающего, клюв его не имеет подобного» (Там же).

³ О глубоких идеологических различиях линейной и синхронной моделей истории применительно к национальному мифу Российской империи XIX в. см., напр. Вортман Р. «Официальная народность» и национальный миф российской монархии XIX века // Россия. Вып. 3 (11): Культурные практики в идеологической перспективе. Россия, XVIII — начало XX века. М., 1999. С. 233–244.

⁴ Велика Святая Русь // ОГВ. 1846. № 38. С. 453.

⁵ «Беснующийся Шаман» не тревожит материнский покой так, как беспокойное, но родное дитя.

⁶ Велика Святая Русь. // ОГВ. 1846. № 38. С. 453.

⁷ «Пространна ты, мать Русская земля. Дай тебе, Боже, долги и счастливы дни! А велика, так уже чудно велика! В одну и ту же пору за Рионом цветы цветут, а на Новой Земле зуб на зуб не сведут; на Аляске полночь бьет, а на Висле только время к обеду настает» (Там же. С. 454).

привилась вера — Святая-Православная».¹⁴ Для Русского орла установлены отношения родства и наследства: Русский двуглавый орел, «правнук орлов римских», «свил гнездо в Московии» и «вывел северных птенцов», расширяя Святую Русь, которой определены не политические, а географические пределы: «к северу Северный, а к востоку Восточный океан, на юге Черное [море] с Каспием, на западе Балтика с Дунаем и Мемелем».¹⁵ «Правнук орлов римских» наследует и риторику государственных задач. Так, его главная обязанность — защита всех собирающихся под его крыльями «доброй Малороссии» — «от кохтей Белого Орла», «кичливой Оттоманской Луны» — «от нападения Крокодила Египетского»¹⁶ и др. История России предстает как дискретная битва Русского орла с «врагами кровожаждущими», приходящими «для разорения теплого гнезда Орла Русского».¹⁷ При этом милитаристский дискурс соединен с гуманистическим: «Хвала, хвала тебе, Русский Орел! Ты любишь — за зло платить добром!!»¹⁸

Зафиксированные в текстах качества Святой Руси и Русского орла тем более важны для южноуральской периодики, что заявленная имперская схема транслируется по вертикали и Оренбургский край мыслится как изоморфная целому часть Российской империи. Жизнь зооморфных персонажей при этом продолжается в эволюции геральдических символов городов Оренбуржья и в иносказательном описании ситуации в крае, где «хищные враны» становятся субститутами «вражеских орлов».¹⁹

2. «Срединный мир» («мир людей») представлен большим количеством разножанровых

текстов. Под «срединным миром» мы понимаем описание взаимодействий представителей разных этносов и конфессий по вполне конкретным поводам (праздники в городах, скачки, ярмарки, освящения церквей и мечетей и т. д.), очерки обычаев и культуры народов Южного Урала и др. Палитра оценочных суждений здесь особенно богата, а спектр авторских позиций широк и, возможно, даже более разнообразен, чем в общероссийской этнографии конца XIX в. Живущие бок о бок с тептерями, мешчеряками, «башкирцами», черемисами корреспонденты ОГВ могли «разглядеть» своих соседей детально, увидеть в них людей, а не просто представителей иной, часто малопонятной и малопривлекательной, культуры. Впрочем страницы ОГВ не были избавлены от проявлений колониального дискурса и бытового национализма, и тем не менее, некоторые из авторов занимали позицию подлинных медиаторов, иногда настолько приближаясь к иной культуре, что поневоле склонялись к рефлексии относительно сохранения собственной идентичности (к таким авторам, прежде всего относятся историк В. Юматов и литератор В. Зефиров).

Какова позиция корреспондентов ОГВ в рамках данного стилистического пространства?

Стремление к объективному изображению истории этносов и населенных пунктов. Немногие из корреспондентов ОГВ могут продемонстрировать стойкость в этом отношении, среди них, безусловно, находится В. Юматов, чья взвешенная позиция историка, думается, во многом была сформирована благодаря его судебной профессиональной практике, самой «диалоговой» риторике судебного процесса. Таков, например, очерк «Древние памятники на земле Башкирцев Чубиминской волости» (1848),²⁰ содержащий детальное на фоне широкого историко-культурного контекста описание мавзолея Хусейн-Бека, а так же объемное «Исследование о начале Гурьева города» (1848)²¹ и др. В подходах к изображению исторических событий В. Юматов близок Ребелинскому, чьи записки об осаде Уфы во время Пугачевского бунта (1847)²² сочетают

¹⁴ О постоянном переписывании («выглаживании») палимпсеста истории в соответствии с меняющейся актуальной задачей, а также о коллизиях, возникающих из-за «неполноты владения» православным миром у русского царя, см.: Живов В. О превратностях истории, или О незавершенности исторических парадигм // Россия. Вып. 3 (11): Культурные практики в идеологической перспективе. Россия, XVIII — начало XX века. М., 1999. С. 245–260. Автор подчеркивает, что стройность исторической картины возможна лишь в каждый отдельно взятый момент, но распадается, едва мы пытаемся расширить контекст, усложняясь и дополняясь взаимопроверяющимися тенденциями и фактами. В этом смысле редакционные тексты ОГВ можно рассматривать как образец «иллюстративной идеологической наглядности» (Там же).

¹⁵ Русский орел. С. 587.

¹⁶ Там же. Анализ этих исторических аллегорий конца XVIII — первой половины XIX в. мы оставляем за пределами данной статьи в силу ограниченности ее объема.

¹⁷ Там же. С. 588.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Обзор современного состояния Оренбургской губернии в статистическом и географическом отношении. Народная нравственность // ОГВ. 1847. № 35. С. 377, 378.

²⁰ Юматов В. Древние памятники на земле Башкирцев Чубиминской волости // ОГВ. 1848. № 1. С. 2–4; № 2. С. 8–10; № 5. С. 31–33; № 7. С. 45–48.

²¹ Юматов В. Исследование о начале Гурьева города // ОГВ. 1848. № 21. С. 121–124; № 22. С. 133–135; № 23. С. 140–142; № 24. С. 146–148; № 25. С. 153–155.

²² Осада г. Уфы во время Пугачевского бунта // ОГВ. 1847. № 12. С. 96–99; № 13, 14. С. 204–206; № 15. С. 212.

конкретность деталей изображаемого с драматизмом отдельных фрагментов.

Сходной авторской стратегии придерживался П. Павловский, отмечавший те сферы знаний народов степи, которые могли бы обогатить «западный стандарт».²³ Вообще, «срединный мир» — это сфера обмена опытом, практиками, взаимообогащения культурных традиций. Здесь трудно переоценить положительное влияние знания языков «инородцев», благодаря чему мир иной культуры раскрывается не в искаженном подражании русскому, но как самоценный и глубокий.²⁴ П. Павловский чаще и охотнее других корреспондентов прибегал к технике *дистанцирования* от происходящего, используя прием театрализации в своих репортажах. Это ярко выражено в письме-репортаже редактору ОГВ (1846). При описании «полуазиатского парада» и конских скачек автор создает живописное полотно из «лиц и нарядов» края: «Здесь, кроме Европейцев, были Бухарцы, Бухарские Евреи, Хивинцы, Туркмены, Киргиз-Кайсаки с их Султанами-правителями, Башкирцы и Мещеряки с своими кантонными и старшинами. Картина была самая занимательная по разнообразию своих предметов!.. Но вот в рядах Русского войска, назначенного для парада, вы видите в регулярном строю взвод Башкирцев на своих степных конях, известных своею крепостью и быстротой, в красных суконных кафтанах, обшитых позументами, с высокими острокопечными шапками, вооруженных пиками, луками и колчанами с стрелами; в числе их резко обозначаются витязи (батыры), покрытые сверх кафтанов кольчугами, в железных шлемах».²⁵ Яркое зрелище позиционирует мультикультурное пространство Оренбуржья как экзотически-привлекательное и безопасное, а зафиксированный Павловским сценарий скачек затем будет многократно тиражироваться и в итоге настолько прочно войдет в «тело» культуры Южного Урала, что через два

года, в 1848 г., русскоязычный автор ОГВ констатирует: «Скачки — душа *нашего масульманского края*»,²⁶ — объединяя таким образом всех обитателей Оренбуржья.

Вообще, чем менее утилитарна цель, в контексте которой появляется этнографическое описание, тем более разнообразная и объективная картина представлена в нем. Так, относительно подробные очерки быта и нравов населяющих край народов появляются либо в контексте миссионерской деятельности, либо как проявление становящегося научно-этнографического дискурса. Сравним два характерных для этих направлений текста — «О крещении черемис Бирского уезда» (1846) и «Историко-этнографический очерк башкирцев» (1845).

В тексте о крещении черемис при известной полноте изложения (названы верховные боги, упомянуты два вида заповедных роц для жертвоприношений, «домашние божества», вера в переселение душ, отсутствие общей молитвы, основные промыслы и др.) описание глубоко оценочно. Автор заключает: «Вера их, подчиненная богам Тори и Кереметю — добра и зла, представляла *ряд заблуждений смешных и жалких*». Быт и традиции марийцев во многом обесцениваются эволюционным подходом: «невежество между тем во всей силе тяготело над сим племенем», «молитвы общей не имели: ибо просьба об отвращении настоящего зла заменяла ее», «торговля была почти недоступна их понятиям, тем более, что недоверчивость и суеверие, сродные принадлежности их характеру, всегда сильную налагали ей преграду».²⁷

В очерке о башкирах²⁸ привлекательные и непривлекательные стороны их природы дополняют друг друга: «Башкирцы телосложения крепкого, мускульного, несколько калмыковаты, особенно горские, лицом более смуглы, выражение которого не совсем приятно. Характером Башкирцы более строптивы и мстительны, по преимуществу за женский пол; сметливы и вообще любопытны,

²³ Павловский П. Астрономические и метеорологические замечания Киргиз-Кайсаков // ОГВ. 1847. № 19. С. 253–255.

²⁴ П. Павловский пересказывает свои беседы в Оренбурге с киргиз-кайсаками «из глубины средне-азиатских степей», приводя их суждения о влиянии небесных тел на Землю и ее обитателей и рассуждая о фатализме, в целом свойственном восточной культуре. В тексте легко прочтываются и установка на длительные доверительные отношения, и внимание к историческому опыту другого народа, обоснование собственных предположений и показательное отсутствие резких оценочных суждений. См.: Павловский П. Указ. соч. С. 253.

²⁵ Павловский П. Тридцатое августа в Оренбурге // ОГВ. 1846. № 39. С. 467.

²⁶ О Воздвиженской Бутульминской ярмарке (20 ноября) // ОГВ. 1848. № 48. С. 337.

²⁷ О крещении Черемис Бирского уезда // ОГВ. 1846. № 43. С. 518. Миссионерские усилия, судя по информации в ОГВ, носят формальный характер и заключаются прежде всего в крещении, постройке церкви, уничтожении «жертвенников идолопоклонства» и переименовании населенных пунктов (марийское поселение Ведрес-Калмашево становится селом Никольским), «дабы упрочить успех этого важного дела и водворить на месте знаки Православия» (Там же).

²⁸ Историко-этнографический очерк башкирцев // ОГВ. 1845. № 39. С. 389–391.

в обещаниях своих не всегда исполнительны, отчего доверчивость с ними неуместна; а честность их подлежит сомнению, впрочем гостеприимны; находясь на службе, отправляют ее с точностью».²⁹ Как мы видим, некрещенные башкиры описаны даже более снисходительно, чем черемисы.

В случае же реальной практической нужды ничто не мешает обращаться за помощью к «этническим соседям». Чаще всего они выступают в роли *проводников* (это было особенно важно для много и охотно путешествующих авторов: В. Зефинова, В. Лосиевского и др.), но отмечены и случаи более квалифицированной помощи. Так, например, В. Юматов приглашает с собой в поездку к мавзолею Хусейн-Бека, учителя из деревни Кара-Якуповой Лукмана Бердыгулова, одного из лучших знатоков арабского языка для расшифровки надписей на мавзолее.³⁰

Аналогичные тенденции заметны и при описании русских. Например, заметка-отчет о праздновании дня священного коронования императора Николая I диктует необходимость каждое явление национальной культуры интерпретировать в духе проявления верноподданнических чувств: «С 6 часов вечера и до 9-ти не умолкали на улицах *веселые песни* ремесленников и *удалые их пляски под рожок*; в них высказывалась *непритворная душа Русского и любовь к Царям Православным*».³¹ В статье же о пользе организации страхового общества в России приводятся многочисленные примеры выгод от функционирования подобных организаций за рубежом и предпринята попытка вывести россиян в пространство обмена социальным опытом, где приверженность к старине кажется смешной, нелепой, непонятной: «Все в нашем положительном веке, даже литература и искусства, обнаруживает какое-то коммерческое направление... *может быть, и мы в этом отношении отстаем от других наций*».³²

Криминальная хроника ОГВ, в свою очередь, переводит борьбу с «хищными вранами» на язык сводок о происшествиях, при этом большинство преступлений в крае (90 % составляют воровство и мошенничество) припи-

сывается его нерусским обитателям (татарам, башкирам, мещерякам и тептерям). Приведем несколько высказываний: «Мусульманин здешнего края, прежде нежели приступит к совершению какого-либо злодеяния, он предварительно начертит в голове своей план этому предприятию и приготовит свидетелей на разные случаи, отчего и труден бывает розыск в отыскании виновных».³³ «В характере же русских обывателей незаметно резких и дурных склонностей, и вообще нравственность их в хорошем состоянии».³⁴ Подчеркнем, что в данном случае мы не обсуждаем достоверность сведений, но отмечаем несомненное влияние этнокультурной составляющей на интерпретацию статистических данных.

Таким образом, «срединное» пространство идеологически окрашенных текстов наиболее подвижно и изменчиво, оно сильнее всего зависит от прагматической установки автора. Потенциально интересна тема рефлексии русскоязычных авторов (краеведов, учителей, врачей, историков-любителей) относительно своего места жительства в общероссийском контексте. Героика пограничья vs прозябание на имперской окраине, свет христианства vs приспособление к обычаям местных народностей, понимание культуры кочевников vs утрата собственной идентичности — в свете этих размышлений разнообразные техники дистанцирования от объекта изображения оказывались очень востребованными и имели не только художественный, но и психологический смысл для корреспондентов ОГВ.

3. Для «низового» уровня идеологического наполнения текстов характерна высокая степень ландшафтной прикреплённости. Если в «высшем мире» царствуют «чистые» символы, то здесь картина обратная: *представители низшей демонологии* «проникают» в текст вместе с описаниями темных ходов пещер, береговых складок рек и озер. Интересно, что авторы подобных текстов чаще всего далеки от обслуживания идеологической сферы (характерный пример — активный корреспондент ОГВ «землемер В. Лосиевский»)³⁵

²⁹ Там же. С. 391.

³⁰ Юматов В. Несколько известий о службе Башкирцев // ОГВ. 1847. № 50. С. 696.

³¹ Местные известия. Уфа // ОГВ. 1845. № 35. С. 377.

³² Русское Морское и речное Страховое Общество // ОГВ. 1845. № 51. С. 616.

³³ Обзор современного состояния Оренбургской губернии в статистическом и географическом отношении. Народная нравственность. С. 377.

³⁴ Там же. С. 378.

³⁵ Фамилия Лосиевских, как показывают исследования историка М. Роднова, стала писаться с двумя «с» лишь в конце XIX в. (см.: Роднов М. И. У истоков уфимской прессы, вкпе с прогулками по старинной Уфе и просторам Башкирии. Уфа, 2009. С. 33), поэтому здесь мы сохраняем авторское написа-

Один из краеведов отмечает, что вблизи «замечательной пещеры, и доселе надлежащим образом не исследованной», обнаруживаются «признаки старинных зданий, валы и курганы, приписываемые чуду, или жителям времен давно минувших». ³⁶ Анонимному автору вторит К. Ивлентьев, рассказывая о «замечательной игре природы» — пещерах в Бугульминском уезде, «которые так близки от большой дороги, что стоит только остановить лошадей, выпрыгнуть из экипажа и пробежать какие-нибудь пятьдесят шагов, чтоб очутиться в царстве *Плутона*, или, лучше сказать, *шайтана*, которым *суеверие Татар* населило эти места». ³⁷ Поиски дополнительной информации о пещерах приводят автора к тем же местным жителям: «Внутри их, *говорят*, есть озеро, содержащее в себе необыкновенно холодную воду во всякое время года. Эти пещеры, *по словам Татар*, простираются на десять и более верст. Частые и сильные дожди, шедшие нынешней весной, залили главный коридор подземных ходов, что и воспрепятствовало мне поверить *фантастические рассказы моего проводника и жителей Абсальмовой об этой чудной игре природы*». ³⁸

Посещение подземного мира требует недюжинной смелости. Корреспондент ОГВ, побывавший в пещерах, сходным образом описывает свои ощущения и чувства: «Здесь царствует *безответная тишина и ужас могилы; ходы темны, как дно ружейного дула; воздух влажен и холоден; почва сыра и скользка; огонь горит бледно, тускло. Разнородные гады* — исключительные обитатели этих *мрачных таинственных мест*. <...> Я взял с собою несколько образчиков алебастру и сохраняю их на память *разнообразных ощущений*, которые испытал во время посещения этих пещер...». ³⁹ Лосиевский не может решиться пересечь Шунгутское голубое серо-

водородное озеро, поскольку «по быстроте воды, выходящей из глубины его, человека опуститься на дно никак нельзя». ⁴⁰ Интересно то, что не эмоциональный литератор В. Зефилов, а землемер В. Лосиевский, специализирующийся на очерках о географических достопримечательностях края, предельно точных и скрупулезно подробных, оказывается главным певцом «*подземной могилы волшебной природы*», «зрелища чудного, величественного и ужасного». ⁴¹ Примеры описаний амбивалентных чувств посетителей пещер, контрастных сочетаний «*дикомрачной природы*» и «*волшебных мест*» в изобилии рассыпаны в заметках ОГВ. Мир подземелья, очевидно, жив и одухотворен: «*грозный и немой вид*» «*дикомрачных стен*», «*готовых на каждом шагу своей страшной силой подавить дерзких*», наполняет воображение ужасом. ⁴²

«Нижний мир» имеет своего властелина, которого корреспонденты не называют, но следы которого ощущают повсюду: вот «*купол в глубь и ширину не более сажени*», называемый «*страшною лампадою*», ⁴³ вот «*обширные алебастровые своды, как бы искусною рукою сведенные куполом*; над центром этого грота проходило к поверхности земли сквозное отверстие в виде колодца». ⁴⁴ Воображение исследователя может лишь следовать путем, проторенным до него духом народа, уже знакомого с этими чудесами природы. Иногда само посещение такого места возможно лишь с проводниками из местных: «*Несмотря на смешанное с ужасом любопытство, с каким я рассматривал отвесно проходящие в глубь земли пропасти, я решился однако с проводниками из Мещеряков и своим родственником спуститься в мрачные и страшные по своему виду подземные коридоры, чтобы видеть выражение немой и вечно деятельной тьмы, какая нашему взору представилась*». ⁴⁵ «Нижний мир» выстроен зеркально по отношению к «верхнему» и враждебен человеку: сами «*величественно нахмуренные своды*» грозят раздавить пришельца, а «*воздух в этом месте густой, сырой и до того душный,*

ние фамилии, принятое и в биографической статье известного исследователя башкирской литературы М. Рахимкулова (Рахимкулов М. Г. Лосиевский Владимир Степанович // Башкирская энциклопедия: в 7 т. Уфа, 2008. Т. 4: Л–О. С. 60).

³⁶ «В 12 верстах от Вознесенского завода, ныне не действующего, находится замечательная пещера, и доселе надлежащим образом не исследованная, в которую во время Башкирских бунтов мятежники прятали имущество, жен и детей своих. Во многих местах на берегу есть признаки старинных зданий, валы и курганы, приписываемые чуду, или жителям времен давно минувших». Река Белая // ОГВ. 1846. № 33. С. 380.

³⁷ Ивлентьев К. Пещеры в Бугульминском уезде // ОГВ. 1847. № 2. С. 13.

³⁸ Там же. С. 14.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Лосиевский. Шунгутское голубое озеро. (Близ Сергиевских мин. вод) // ОГВ. 1847. № 20. С. 263.

⁴¹ Лосиевский. Прибельская Пещера // ОГВ. 1847. № 11. С. 90.

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Лосиевский. Курманаевские пещеры и их подземные озера // ОГВ. 1846. № 6. С. 40.

⁴⁵ Там же.

что мы... ощущали на лицах своих пот, и дыхание становилось тяжелым»;⁴⁶ «Ничего, кажется, нельзя представить себе *прелестнее, очаровательнее и вместе ужаснее* этого водяного кратера, пробуждающего не только любопытство, но и другие многосторонние размышления». ⁴⁷ Эти труднодоступные объекты (пещеры, провалы, озера и горные вершины) оказываются «под защитой» древних иноэтнических божеств, являя собой «одну из любопытнейших, великолепнейших и ужаснейших панорам, какие природа представляет в грозном виде взорам человека». ⁴⁸ При этом страницы ОГВ хранят свидетельства героических исследователей из числа аборигенного населения. ⁴⁹ Это становится кодой рассказа о пещере и системе подземных озер и закрепляет древнюю и не вполне рациональную связь скрытых чудес природы с местным населением и духами, которым оно поклоняется.

«Смена парадигмы» происходит лишь при переосвящении топоса «своим» святым (отшельником, монахом), который становится вновь обретенным «гением места». Эти наслоения преданий легко обнаруживаются в очерках о святых источниках, колодцах, пещерах. Например, по словам Лосиевского, «простолюдины рассказывают, что в прежнее время в этой пещере (Прибельской. — Н. Г.) жил какой-то неведомый отшельник, который во время прохождения барок в весеннее время по реке Белой из Белорецкого, Авзяно-Петровского и других заводов выходил из нее на берег реки и благословлял проходящие суда. Те, кои получили это благословение, всегда оканчивали курс своего плавания благополучно, не встречая во время пути ни бурь, ни мелей, ни подводных камней, рабочие постоянно были здоровы; не встретившие же его при проходе мимо этой пещеры были всегда в унынии, и боязнь тяготела над ними во все время их плавания». ⁵⁰ Это «новое предание»,

«как отдаленный гул, вторит, может быть и неверно», более раннему, башкирскому, о похищении у хана Бабаты Ключова в верховье реки Дёмы батыром Сулеймановым, «слепым наездником времен минувших», любимой дочери Зюлемы. Влюбленные скрывались в этой пещере от гнева хана до тех времен, «пока не дошла весть до Башкирии о покорении Царства Казанского Иоанном Грозным и когда вследствие этого слуха хан Бабат откочевал навсегда из этих мест с своими Нагайцами. То же предание говорит, что во время Башкирских бунтов злейшие из ненавистников мирной жизни скрывали здесь свои богатства, жен и детей». ⁵¹

Иная тональность повествования в очерке Лосиевского «Святой Колодец» (1847), где объект описания включен в освященную церковью парадигму святых источников: живописные дубовые и сосновые рощи по берегам Камы, часовня над источником во имя Святого Николая, окруженная террасами-садами, спускающимися к реке, бассейн с исключительно холодной, здоровой и приятной на вкус водой... Вдали — идущие вереницами по Каме суда, пассажиры которых, «приближаясь к месту Святого Колодца, останавливаются на якоря и приходят к часовне для приношения молитв». ⁵² Однако и здесь закономерно обнаруживается более ранняя традиция почитания источника: «Народное предание говорит, что вскоре по взятии Казани Иоанном Грозным какой-то татарке, страдавшей главною болью, было присоветано отправиться на этот колодец и, взявши из него воды, промывать ею глаза; она, с верою исполнив этот совет, получила совершенное облегчение. С того времени ключ этот и получил название Св. Колодца». ⁵³ Интересно, что Лосиевский, приводя в своем очерке этот текст, не без удивления упоминает, что «и самые иноверцы-татары и чуваша, имея какое-то внутреннее благоговение к этому месту, также приезжают к колодцу и, произнося краткую по своему обряду молитву, умывают водою его свои глаза и потом пьют

⁴⁶ Там же. С. 42.

⁴⁷ Лосиевский. Шунгутское голубое озеро. С. 262. Это сероводородное озеро, видимо, необитаемо и весьма прозрачно. Однако и здесь исследование ему не удается, хотя «во время посещения пациентами Сергиевских мин. вод многие из них приезжают осматривать бездонное голубое озеро, и даже смелые из них в нем купаются.<...> я же, по причине видимо ужасающей пропасти, при всем умении моем плавать, испытать это на себе никак не отважился, и даже плавать на лодке по поверхности его не мог решиться» (Там же. С. 263).

⁴⁸ Лосиевский. Прибельская Пещера. С. 92.

⁴⁹ См.: Лосиевский. Курманаевские пещеры и их подземные озера. С. 42.

⁵⁰ Лосиевский. Прибельская Пещера. С. 91.

⁵¹ Там же. С. 92.

⁵² Лосиевский. Святой колодец // ОГВ. 1847. № 52. С. 682.

⁵³ Там же. Эмпирический механизм «закрепления» святых мест в новой религиозной парадигме вполне ясен и землемеру Лосиевскому: «На такой привлекательной местности, присвоившей себе благоговейное расположение народа, весьма бы было хорошо устроить обитель иноков, которая еще бы более усугубила чувство благоговения к этому дару природы. И может быть, послужила бы средством рассеять мрак и заблуждение окружающих иноверцев» (Там же).

чай; затем с веселым расположением духа всякий из них возвращается обратно в свое место»,⁵⁴ как бы «забывая» на тот момент нерусское происхождение сакрального объекта.

Безусловно, особый интерес вызывают тексты, в которых происходит пересечение *стилистических/дискурсивных границ*. К сожалению, объем статьи не позволяет рассмотреть даже некоторые из них. Заметим лишь, что кажущаяся предопределенность к кросс-стилистике травелогов на поверку оказывается иллюзорной: для значительной части авторов-путешественников путь есть предсказуемое чередование «своих» и «чужих» локусов; настоящее приращение глубины понимания иноэтнического происходит при необходимо-

сти совершать какие-либо действия в данных этнокультурных обстоятельствах, например организовывать учебный процесс в мультиязычном и мультиконфессиональном училище.⁵⁵ Сюжет криминальной хроники может вывести на интересные размышления, вписывая бытовой случай в широкую парадигму восприятия этнических различий. Мотивы же и образы, присущие «высшему» и «низшему» пантеону и стилю, обладают относительной автономией от актуальных изменений, и в силу этого они, как мы видим, необыкновенно устойчивы, особенно по сравнению с зависящими от прагматических установок и практики текстами «срединного» уровня, демонстрирующими изменчивость и способность к развитию.

Natalya B. Gramatchikova

Candidate of Philological Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: n.gramatchikova@gmail.com

“RUSSIAN EAGLE” vs “PLUTON-SHAITAN”: IDEOLOGY AND ETHNOGRAPHY

IN THE “ORENBURG PROVINCE VEDOMOSTY” OF THE MID 19th CENTURY

In the middle of the 19th century the language of ethnographic description evolving within the diverse stylistic patterns began to take shape in the provincial media publications. The topic of multicultural population of the southern Ural was becoming an integral element of the “Orenburg Province Vedomosty” and was discussed in the editorials, stories “from remote areas”, state inspectors’ and missionaries’ reports, travel notes, etc. The purpose of the article was the analysis of the ideological palette of the evolving ethnographic discourse based on the correspondence by some obscure and already forgotten amateur historians, researchers, teachers and authors in the Orenburg region (P. Pavlovsky, V. Losievsky, V. Yumatov, V. Zefirov, I. Sosfenov, K. Ivlentjev, etc.) as well as small newspaper items by some anonymous authors. Three stylistic levels of texts were identified, which corresponded to the three-level matrix of mythological creatures. The author came to a conclusions about maximum stability of the higher (the Holy Russ, the Russian Eagle) and the lower (the underworld and the water spirits) levels in newspaper texts, with different etiology. The images of the “higher pantheon” could be viewed both within the context of opposition between the synchronous and the linear models of the national myth evolution, and in the context of “delayed” aesthetic development of provincial literature. The “lower demonology” images were closely related to natural objects with their own narrative in the oral history of the indigenous peoples of the Ural. At the level of the “middle world” the positions of the authors were changeable, the emotional and ideological assessment of ethnographic data was to a large extent determined by pragmatic tasks of a given text, which could be considered a powerful resource for the development of the ethnographic discourse.

Keywords: *Sacred Russia, Russian eagle, colonial discourse, ethnography, South Ural press, cave, Bashkirs, Maris, sacred source*

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ С-ф-ъ Ив. Топографические и статистические записки, веденныя во время презда из Уфы в города Стерлитамак и Белебей. // ОГВ. 1846. № 39. С. 468–474.

REFERENCES

Prokofeva A. G. *Russkie pisateli i orenburgskaya periodika kontsa XIX — nachala XX v.* [The Russian writers and the Orenburg periodical press of the end of XIX — the beginning of the XX century]. Orenburgskiy kray. Arkhivnye dokumenty. Materialy. Issledovaniya: sb. rabot nauch.-issledovat. kraevedcheskoy laboratorii OGPU — Orenburg region. Archival documents. Materials. Researches: collection of works of the OGPU research local history laboratory. Vol. 1. Orenburg: Izd-vo OGPU Publ., 2001, pp. 52–75. (in Russ.).

Prokofeva V. Yu. *Iz istorii orenburgskoy periodiki* [From history of the Orenburg periodical press]. Orenburgskiy kray. Arkhivnye dokumenty. Materialy. Issledovaniya: sb. rabot nauch.-issledovat. kraevedcheskoy laboratorii OGPU — Orenburg region. Archival documents. Materials. Researches: collection of works of the OGPU research local history laboratory. Vol. 1. Orenburg: Izd-vo OGPU Publ., 2001, pp. 52–75. (in Russ.).

Rakhimkulov M. G. *Losievskiy Vladimir Stepanovich* [Losiyevsky Vladimir Stepanovich]. Bashkirskaya entsiklopediya — Bashkir encyclopedia. Vol. 4. L–O. Ufa, 2008. p. 60. (in Russ.).

Rodnov M. I. *U istokov Ufimskoy pressy, vkupe s progulkami po starinnoy Ufe i prostoram Bashkirii* [At sources of the Ufa press, together with walks across ancient Ufa and open spaces of Bashkiria]. Ufa, 2009. 172 p. (in Russ.).

Sozina Ye. K. I. I. *Varakin* [I. I. Varakin]. Istoriya literatury Urala. Konets XIV–XVIII v. — History of literature of the Urals. End of the XIV–XVIII century. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury Publ., 2012. 608 p. (in Russ.).

Vortman R. «*Ofitsialnaya narodnost*» i natsionalnyy mifrossiyskoy monarkhii XIX veka [“Official nationality” and national myth of the Russian monarchy of the XIX century]. ROSSIYA–RUSSIA. Vol. 3 (11): Kulturnye praktiki v ideologicheskoy perspektive. Rossiya, XVIII — nachalo XX veka. Moscow: OGI Publ., 1999, pp. 233–244. Available at: http://ec-dejavu.ru/o/Official_Nation.html (accessed 24.12.2015). (in Russ.).

Zhivov V. *O prevratnostyakh istorii ili o nezavershennosti istoricheskikh paradigm* [About falsities of history or about incompleteness of historical paradigms]. ROSSIYA–RUSSIA. Vol. 3 (11): Kulturnye praktiki v ideologicheskoy perspektive. Rossiya, XVIII — nachalo XX veka. Moscow: OGI Publ., 1999, pp. 245–260. Available at: http://ec-dejavu.net/o/Official_Nation-2.html (accessed 24.12.2015). (in Russ.).